

УДК 81'27(045)

*Т.Р. Копылова, В.К. Кельмаков, Н.И. Пушина***МОЛЧАНИЕ: ОТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ К НАУЧНОМУ**

Статья посвящена истории формирования молчания как предмета лингвистического исследования. Молчание как феномен человеческого общения привлекало внимание мыслителей, начиная с античных времен. Предметом лингвистического исследования данная категория становится лишь с середины XX в. в контексте развития теории речевых актов. Анализ философской, искусствоведческой, литературоведческой и лингвистической теоретической литературы позволил выявить основные направления в исследовании молчания и прийти к выводу: философское и художественное освоение молчания создали базу для научного исследования данной категории с точки зрения человека и его роли в коммуникации. Молчание, подобно слову, способно порождать множество смыслов. Но если слово ограничено своей материальностью, то молчание безмерно, точно так же, как и окружающий (внешний) мир беднее, чем внутренний духовный мир человека.

Ключевые слова: коммуникация, речевая деятельность, речевой акт, слово, молчание, категория.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-6-1211-1216

Молчание – важнейший атрибут бытия и мышления – рассматривалось в философии с античных времен. Молчание как «первомысль Глубины», как «слово Природы», «как слово Бога живого» объединяет различные доктрины эпохи перехода к Средневековью. Идея о противопоставлении молчания и слова является одной из основных в христианстве: истинное знание, единственно верный путь познания тайн мироздания, связано с бессловесностью [6; 9; 15].

Отказ от речи лежит в основе исихазма, древней традиции духовной практики, составляющей основу православного аскетизма. Исихия – покой, безмолвие, священнобезмолвие. Именно в исихазме подчеркивается нетождественность молчания отсутствию речи [20]. Молчание есть некое экзистенциальное состояние¹, опыт, который позволяет человеку вступать в отношения с миром. Отсюда молчание рассматривается исихастами как одна из человеческих добродетелей, наравне со смирением, кротостью, любовью, богосозерцанием, сосредоточенностью, молитвой [12].

Мировоззрение исихазма и роль молчания в нем заимствуется православными философами (Нил Сорский, Сергей Радонежский, Симеон Столпик, Симеон Дивногорец и др.): исихастские идеи «удивительно прижились и привились на Руси, обнаружив созвучие и близость» [20, с. 207] с идеями православия. Было бы справедливо сказать, что исихазм обусловил специфику русской духовной жизни (юродство, «монастырь в миру», странничество, старчество). Многие русские мыслители (А.Ф. Лосев, В.Н. Лосский и др.) связывают с идеей священнобезмолвия новое культурное возрождение в России, отмечают созерцательное начало русского мировоззрения.

Православные традиции культа молчания создают предпосылки, играющие роль в распространении молчания во всех сферах русского искусства. Отметим иконопись, создающую свои образы погруженными в безмолвие (Андрей Рублев, Феофан Грек).

Мотив молчания получает свое развитие в начале XIX в., в эпоху романтизма с его акцентом на внутреннюю жизнь человека. Это и поза задумчивости в портрете, и напряженность самопогружения героев – героев, застывших в молчании (О. Кипренский, А. Венецианов, Г. Сорока). По утверждению Д.В. Сарабьянова, данный мотив в русской живописи является одним из основных и, независимо от эпохи, художественного направления, стиля, «молчащая» живопись развивается и в полной мере противопоставляется живописи «говорящей» (А. Иванов, К. Брюллов, В. Суриков, И. Репин, А. Рябушкин, Б. Кустодиев, Н. Гончарова, М. Ларионов) [18].

В художественной литературе, как и в живописи, тишина – это обязательное условие для самопознания человека, его иррациональной (внутренней) сущности. В творчестве поэтов-романтиков XIX века² (В. Жуковский, Ф. Тютчев, А. Фет) молчание противопоставляется слову, подобно тому, как ду-

¹ Более подробно о священнобезмолвии в исихазме в [16].

² Комплексный анализ мотива молчания в русском романтизме в работе [1] позволяет сделать вывод об особенностях молчания в поэзии В. А. Жуковского, Е. А. Баратынского, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета,

ховный, внутренний, мир человека противопоставлен материальному, окружающему. В данной оппозиции бессилие слова, особенно в выражении чувств, подчеркивает безмерность молчания. Молчание не просто более выразительно, оно свободно от лжи и неточности, содержащихся в словах «переданных художником посредством обычного языка» [21].

В поэзии Серебряного века читатель также встречается с молчащими героями, молчаливыми ситуациями, остановившимся временем [18]. И вновь молчание преодолевает слово, приближает к тайнам бытия. Вячеслав Иванов говорит о «неизглаголемости» символа. Однако молчание – не оппозиция слову, а путь к его постижению; это возможность выразить невыразимое, находящееся за пределами слова. В молчании скрывается источник вдохновения; тишина, безмолвие – условия истинного творчества [4].

В русской литературе категория молчания позволяет авторам создать сложные художественные образы, показать внутренний мир героев. Искусство вообще не свободно от интереса к молчанию, обусловленного всепоглощающей жаждой познания мира, другого, самого себя. Молчание само по себе привлекает внимание художников, которые стремятся понять природу молчания и через это познать природу «внутреннего» человека. Отсюда категория молчания становится объектом изображения и номинирует многие тексты русской культуры: В. Жуковский «Невыразимое», Ф. Тютчев «Silentium», В. Иванов «Молчание», Д. Мережковский «Молчание», В. Брюсов «Ангел благого молчания», О. Манделштам «Silentium», И. Файнфельд «Я молчанье накрою молчаньем...», Л. Андреев «Молчание», М. Нестеров «Молчание», С. Рерих «Молчание (Тишина)», С. Рахманинов «Остров мертвых», А. Скрябин «Тишина», Н. Мясковский «Молчание» и мн. др.

Философское и художественное освоение молчания предшествовало научному. В философии и искусстве молчание наделялось следующими смыслами.

Молчание, отказ от речи как часть религиозно-философской системы, инициирует осмысление понятия диалога как диалога с другим, себе подобным, и Диалога с Богом, что порождает оппозицию *слово – молчание, пустословие – молчание*. Диалог с другим преследует прагматичную, сиюминутную цель; Диалог с Богом направлен на самосовершенствование и познание [8; 9; 16].

Эпоха постмодернизма идею диалога трансформирует: диалог всегда нацелен на познание, потому что направлен на Другого, причем Я говорящего – это тоже Другой, меняющийся во времени и пространстве и нуждающийся в познании. С этой точки зрения, молчание всегда диалогично, о чем писали М. Бахтин, М. Бубер, М. Фуко, Ж. Лакан, Ж. Деррида, М. Хайдеггер и др.

Молчание – это особая эстетика, опыт, обязательный как для познания человека и мира, так и для познания самого себя. Оно сопряжено с внутренним миром человека, является условием внутреннего обращения к самому себе.

Выделение молчания как предмета лингвистического исследования связывают, во-первых, с антропоцентрической парадигмой в гуманитарном знании, во-вторых, с изучением коммуникации. Пик интереса к данному феномену приходится на середину XX в. в контексте развития теорий речевых актов, интенциональности, нулевого знака в семиотике [2; 3; 7; 11; 17].

Исследование молчания как структурного элемента речевого акта, не выраженного материально (нулевого высказывания), позволило ученым сделать следующие выводы.

Прежде всего было разграничено молчание физиологическое и молчание коммуникативное, наделенное интенцией (контролируемое субъектом речи молчание вместо слов) [3; 11; 17; 23; 24; 27]. Интенциональное молчание выполняет в коммуникации множество функций. Подобно слову, оно многозначно, но свои смыслы раскрывает только относительно речи. Данный тезис обусловил методологию исследования: прагматика слова переносится на прагматику молчания. Этот подход позволил максимально полно изучить нулевой речевой акт – силенциальный акт, отличающийся отсутствием локуции и выраженный перлокуцией, то есть способностью адресанта наделить нулевой текст неким содержанием [7; 11; 14; 17].

Вторым шагом было признание молчания универсальной коммуникативной категорией. «Им случалось говорить по-коптски и по-еврейски, по-гречески и на латыни, по-грузински и по-сирийски или же молчать на всех этих языках» (М. Павич. Пейзаж, нарисованный чаем). С.В. Крестинский, автор первого системного исследования молчания в отечественной лингвистике, доказывает его универсальность на материале русского, немецкого, французского, английского языков, выделив одни и те же функции как субъекта преднамеренного молчания, так и объекта.

К. К. Случевского, поэтов-любомудров (Д. В. Веневитинова, А. С. Хомякова, С. П. Шевырова). Системное движение поэтики безмолвия в творчестве В. А. Жуковского, А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. И. Тютчева является предметом диссертационного исследования [13].

Исследования молчания в контексте теории речевых актов подчеркивают вторичность молчания по отношению к слову: оно функционально дефицитно, так как раскрывает свое значение только на фоне говорения. Если слово погружено в социо- и лингвокультурный контекст и передает сложные коннотации, обусловленные национальной спецификой, то молчание универсально: во всех национальных коммуникативных культурах оно в структуре речевого акта несет определенную информацию, которая считывается адресантом благодаря коммуникативной ситуации.

Таким образом, в науке о языке конца XX в. молчание как предмет исследования было ограничено его прагматикой.

Такой узкий подход к изучению данного феномена неоднократно подвергался сомнению. Так, Р.О. Якобсон, изучая семантику звука, приходит к выводу о сложной деятельностной природе интенционального молчания. Молчание не противопоставлено слову: оно является частью сложной речевой деятельности без фазы говорения (вокализации), когда субъект делает выбор в пользу «не произносить» [22]. В.В. Богданов, опираясь на междисциплинарные исследования, выдвигает тезис о доминировании молчания над словом, связывая это с его высоким коммуникативным потенциалом, обусловленным «вербальной невыразимостью некоторого содержания» [3, с. 14]. М. Савиль-Труак предлагает рассматривать молчание только в контексте социокультурных ценностей и норм [26]. Из подобного рода исследований отметим работы Дж. Версейрена, который, изучая функционирование глаголов речи и его отсутствия говорения в национальных языках, предположил существование национальной обусловленности репрезентации молчания в той или иной культуре: глаголы речи, как правило, имеют эквиваленты в разных языках, в отличие от глаголов молчания [28]. Данные идеи в полной мере начинают развиваться в когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания.

Современная научная парадигма в языкознании, а вместе с ней и развивающиеся теории речевой деятельности, дискурса, речевого поведения позволили, во-первых, развить теорию молчания как знака сложной кодовой природы; во-вторых, выявить особенности функционирования молчания с точки зрения целого коммуникативного события, дискурса; в-третьих, перенести акцент с молчания как структурной единицы на его создателя и интерпретатора, то есть посмотреть на молчание с точки зрения коммуникантов – носителей определенной лингвокультуры. Анализ языковой личности молчащего, особенностей его коммуникативного поведения, изучение механизмов восприятия нулевого текста, интерпретации его адресантом свидетельствуют о том, что молчание обладает безграничным коммуникативным потенциалом, имеющим ментальную и аксиологическую обусловленность. Как и слово, молчание национально специфично [10].

Обращение к русской лингвокультуре позволило сделать вывод: русское молчание шире его прагматики и исторически формировалось на стыке материального и идеального, что находит отражение в самом языке, исторически складывающемся под воздействием различных факторов, прежде всего средневековой религиозной философии. Уже в древнерусском языке ключевая лексема *млъчание* создает широкие семантические связи с единицами *безмлъвие*, *безмлъвьствие*, *тихость*, *тихота*, *тишина*, обусловленные влиянием христианского мировоззрения, становление которого происходит параллельно с развитием письменной языковой системы [19]. Молчание как ритуал сопровождается смирением и душевным покоем, обозначенным в языке как *безмлъвие*, приводящим к кротости, спокойствию души – внутренней тишине. Постепенно компонент ‘молчание как религиозный акт’ уходит на периферию значения современной единицы *молчание*, но умение созерцать, молчать с целью самопогружения, самопознания обуславливает новые компоненты, связанные, с одной стороны, с немногословием, неразговорчивостью как чертой характера человека, с другой – со способностью носителя русской лингвокультуры ‘выражать и понимать без слов’, что является особенностью русского коммуникативного поведения. Молчание направлено на совершенствование души, погружение в молчание нацелено на качественное изменение внутреннего Я, на согласие с самим собой [10].

Невыраженность молчания по сравнению со словом в русской лингвокультуре никогда не рассматривалась как ущербность. Напротив, молчание было сопряжено, с одной стороны, с внутренним миром человека, как правило, более богатым, нежели внешний; с другой – с осознанием принципиальной невыразимости высшего бытия. Неслучайно почти все русские писатели, когда-либо обращавшиеся к описанию русской души, говорили о феномене молчания (см., например, хрестоматийное некрасовское «А там, во глубине России – // Там вековая тишина», где тишина эквивалентна молчанию). Молчание изначально надделено в «истории государства Российского» более высоким значением,

нежели слово, жест молчания может выражать ценностные представления народа. Вспомним знаменитую ремарку «Народ безмолствует» из «Бойса Годунова» А.С. Пушкина или строки из стихотворения Анны Ахматовой: «Настоящие слова прячутся под языком». Носители русского языкового сознания способны обходиться без слов, что обуславливает развернутую языковую репрезентацию самых разнообразных способов выражения молчаливого коммуникативного поведения (*молчать, промолчать, помолчать, смолчать, умолчать, замолчать, отмолчаться, намолчаться, смолкнуть, замолкнуть, затихнуть, безмолвствовать* и др.).

Молчание – уникальная категория с выраженной ментальной и этноспецифической составляющими, отражающимися в поведении носителей лингвокультуры, – сложнее по структуре и содержанию, чем категория коммуникативная. Несомненно, философское и художественное освоение молчания создали базу для научного исследования данной категории с точки зрения человека и его роли в коммуникации. Однако обращение к данному феномену позволило языковедам не только расширить область «лингвистического», но и доказать: феномен человеческой коммуникации шире и глубже, чем материально выраженная речь.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова В.И. Мотив «невыразимого» в русской романтической картине мира: от В.А. Жуковского к К.К. Случевскому: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2007. 238 с.
2. Арутюнова Н.Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка: язык речевых действий. М.: РАН, 1994. С. 106-117.
3. Богданов В.В. Молчание как нулевой речевой знак и его роль в вербальной коммуникации // Языковое обобщение и его единицы. Калинин: КГУ, 1986. С. 12-18.
4. Виротайнен М. Речь и молчание: сюжеты и мифы русской словесности. СПб: Амфора, 2003. 503 с.
5. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М.: АСТ, 2002. 588 с.
6. Исупов К.Г. Молчание (из авторского словаря «Космос русского самосознания») // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molchanie-iz-avtorskogo-slovary-a-kosmos-russkogo-samosoznaniya> (дата обращения: 04.04.2021).
7. Кибрик А.А. Молчание как коммуникативный акт // Действие: лингвистические и логические модели. М.: ИЯЗ, 1991. С. 49-51.
8. Климков О.С. Исихазм и русская религиозная философия XV–XVIII вв.: дис. ... докт. филос. наук. Санкт-Петербург, 2018. 758 с.
9. Конюхов Д. Русские исихастские школы // Сибирский педагогический журнал. 2012. №7. С. 224-229.
10. Копылова Т.Р. Молчание как лингвокогнитивная категория: дис. ... д-ра филол. наук. Ижевск, 2022. 354 с.
11. Крестинский С. В. Коммуникативно-значимое молчание в структуре языкового общения: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1990. 253 с.
12. Лихачев Д.С. Национальное самосознание Древней Руси. М.: АН СССР, 1945. 115 с.
13. Маркова В.В. Поэтика безмолвия в русской литературе 1820 – начало 1840-х годов (от «Невыразимого В.А. Жуковского к «Мертвым душам» Н.В. Гоголя): дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2005. 193 с.
14. Меликян С.В. Речевой акт молчания в структуре общения: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000. 177 с.
15. Михайлова М.В. Молчание как форма духовного опыта: эстетико-культурологический аспект: дис. ... канд. филос. наук. СПб, 1999. 158 с.
16. Постовалова В.И. Сокровенный диалог в духовном опыте священнобезмолвия // Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. М.: Изд-во «Индрик», 2010. С. 305-330.
17. Почепцов Г.Г. Молчание как речевой акт // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. Мориса Тереза. М.: МГПИ, 1985. С. 43-52.
18. Сарабьянов Д.В. Русская живопись. Пробуждение памяти. М.: Искусствознание, 1998. 431 с.
19. Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.): В 10 т. Гл. ред. Р.И. Аванесов. М.: Рус. яз., 1988.
20. Хоружий С.С. О старом и новом. СПб: Алетейя, 2000. 475 с.
21. Шугайло И.В. Эстетика молчания как возможность обнаружения нового имени (на примере кинематографа и фотографии) // Научная сессия ГУАП 2010 г. URL: http://hf-guap.ru/historical/shugaylo_2.html (дата обращения: 25.02.2013).
22. Якобсон Р.О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 460 с.
23. Bruneau T. Communicative silences: forms and functions // Journal of Communication. 1973. Vol. 23. P. 17-41.
24. Jaworski A. The power of silence: social and pragmatic perspectives. Newbury Park: SAGE, 1993. 208 p.
25. Kurzon D. The right of silence: a socio-pragmatic model of interpretation // Journal of Pragmatics. 1995. Vol. 23. P. 55-69.
26. Saville-Troik, M. The Ethnography of Communication: An Introduction. Cambridge, 1982. 325 p.

27. Tannen D. Perspectives on silence. Norwood; New Jersey: Ablex, 1985. 251 p.

28. Verschueren J. What People Say They Do with Words. Norwood, NJ: Ablex, 1985. 265 p.

Поступила в редакцию 04.05.2023

Копылова Татьяна Рудольфовна, доктор филологических наук, зав. кафедрой русского языка, теоретической, прикладной лингвистики и русского языка как иностранного
E-mail: k_tatiana4@mail.ru

Кельмаков Валей Кельмакович, доктор филологических наук, профессор
E-mail: finnugor@mail.ru

Пушина Наталья Иосифовна, доктор филологических наук, профессор
E-mail: pushinanatalia@yandex.ru

ФГБОУВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)

T.R. Kopylova, V.K. Kel'makov, N.I. Pushina

SILENCE: FROM ARTISTIC TO SCHOLARLY COMPREHENSION

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-6-1211-1216

This article concentrates on the history of silence as a subject of linguistic research. Silence as a phenomenon of human communication has been attracting philosophers' attention since ancient times; meanwhile the linguists' attention has been drawn to this category only since the middle of the 20th century in the context of the speech act theory development. The analysis of philosophical, art, literary and linguistic theoretical literature allowed us to identify research guidelines in the study of silence and come to the following conclusion: the philosophical and artistic development of silence has laid the groundwork for the research study of this category from a human perspective and the role of a person in communication. Silence like a word can generate many meanings. But if a word is limited by its materiality, then silence is immeasurable just like the surrounding (external) world is poorer than a man's inner mental world.

Keywords: communication, speech activity, speech act, word, silence, category.

REFERENCES

1. Abramova V.I. Motiv «nevyrazimogo» v russkoj romanticheskoj kartine mira: ot V.A. Zhukovskogo k K.K. Sluchevskomu: dis. ... kand. filol. nauk [The motif of the “inexpressible” in the Russian romantic picture of the world: from V.A. Zhukovsky to K.K. Sluchevsky: dissertation thesis for the degree of candidate of philological sciences]. Moscow, 2007. 238 p. (In Russian).
2. Arutyunova N.D. Molchanie: konteksty upotrebleniya [Silence: contexts of use]. Logicheskij analiz yazyka: yazyk rechevyh dejstvij [Logical analysis of language: language of speech acts]. Moscow, RAN Press, 1994. Pp. 106-117. (In Russian).
3. Bogdanov V.V. Molchanie kak nulevoj rechevoj znak i ego rol' v verbal'noj kommunikacii [Silence as a zero speech sign and its role in verbal communication]. Yazykovoe obobshchenie i ego edincy [Linguistic generalization and its units]. Kalinin, KGU Press, 1986. Pp. 12-18. (In Russian).
4. Virolajnen M. Rech' i molchanie: syuzhety i mify russkoj slovesnosti [Speech and silence: subjects and myths of Russian literature]. St. Petersburg, Amfora Press, 2003. 503 p. (In Russian).
5. Il'in I.A. Aksiomy religioznogo opyta [Axioms of religious experience]. Moscow, AST Press, 2002. 588 p.
6. Isupov K.G. Molchanie (iz avtorskogo slovarya «Kosmos russkogo samosoznaniya») [Silence (from the author's dictionary “The Cosmos of Russian Self-Awareness”)]. Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana) [Society. Environment. Development (Terra Humana)], 2009, no. 2, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molchanie-iz-avtorskogo-slovarya-kosmos-russkogo-samosoznaniya>. (In Russian).
7. Kibrik A.A. Molchanie kak kommunikativnyj akt [Silence as a communicative act]. Dejstvie: lingvisticheskie i logicheskie modeli [Action: linguistic and logical models], Moscow, IYAZ Press, 1991. Pp. 49-51. (In Russian).
8. Klimkov O.S. Isihazm i russkaya religioznaya filosofiya XV–XVIII vv.: dis. ... dokt. filol. nauk [Hesychasm and Russian religious philosophy of the XV–XVIII centuries: dissertation thesis for the degree of doctor of philological sciences]. St. Petersburg, 2018. 758 p. (In Russian).
9. Konyuhov D. Russkie isihastskie shkoly [Russian Hesychast Schools]. Sibirskij pedagogicheskij zhurnal [Siberian Pedagogical Journal], 2012, no. 7. Pp. 224-229. (In Russian).

10. Kopylova T.R. Molchaniye kak lingvokognitivnaya kategoriya: dis. ... d-r. filol. nauk [Silence as a linguocognitive category: dissertation thesis for the degree of doctor of philological sciences], Izhevsk, 2022. 354 p. (In Russian).
11. Krestinskij S.B. Kommunikativno-znachimoe molchanie v strukture yazykovogo obshcheniya: dis. ... kand. filol nauk [Communicatively meaningful silence in the structure of language communication: dissertation thesis for the degree of candidate of philological sciences], Tver', 1990. 253 p. (In Russian).
12. Lihachev D.S. Nacional'noe samosoznanie Drevnej Rusi [National self-awareness of Ancient Russia], Moscow, AN SSSR Press, 1945. 115 p. (In Russian).
13. Markova V.V. Poetika bezmolviya v russkoj literature 1820 – nachalo 1840-h godov (ot «nevyrazimogo V.A. Zhukovskogo k «Mertvym dusham» N.V. Gogolya»): dis. ... kand. filol. Nauk [Poetics of silence in Russian literature of the 1820 – early 1840s (from “the ineffable V.A. Zhukovsky to “Dead Souls” by N.V. Gogol”): dissertation thesis for the degree of candidate of philological sciences], Tyumen', 2005. 193 p. (In Russian).
14. Melikyan S.V. Rechevoj akt molchaniya v strukture obshcheniya: dis. ... kand. filol. Nauk [The speech act of silence in the structure of communication: dissertation thesis for the degree of candidate of philological sciences], Voronezh, 2000. 177 p. (In Russian).
15. Mihajlova M.V. Molchanie kak forma duhovnogo opyta: estetiko-kul'turologicheskij aspekt: dis. ... kand. filos. Nauk [Silence as a form of spiritual experience: aesthetics and culturological aspect: dissertation thesis for the degree of candidate of philological sciences], St. Petersburg, 1999. 158 p. (In Russian).
16. Postovalova V.I. Sokrovennyj dialog v duhovnom opyte svyashchennobezmolviya [Secret dialogue in the spiritual experience of sacred silence]. Mono-, dia-, polilog v raznyh yazykah i kul'turah [Mono-, dia-, polylogue in different languages and cultures], Moscow, Indrik Press, 2010. Pp. 305-330. (In Russian).
17. Pochepcov G.G. Molchanie kak rechevoj akt [Silence as a speech act]. Sbornik nauchnyh trudov MGPIIYA im. Morisa Tereza [Collection of scientific works of the Moscow State Pedagogical Institute named after Morisa Tereza], Moscow, MGPI Press, 1985. Pp. 43-52. (In Russian).
18. Sarab'yanov D.V. Russkaya zhivopis'. Probuzhdenie pamyati [Russian painting. Awakening Memory], Moscow, Art studies Press, 1998. 431 p. (In Russian).
19. Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI – XIV vv.): V 10 t. [Dictionary of the Old Russian language (XI – XIV centuries): B 10 vol.], Gl. red. R. Avanesov, Moscow, Russian Language Press, 1988. (In Russian).
20. Horuzhij S.S. O starom i novom [About old and new], St. Petersburg, Aletejya Press, 2000. 475 p. (In Russian).
21. Shugajlo I.V. Estetika molchaniya kak vozmozhnost' obnaruzheniya novogo imeni (na primere kinematografa i fotografii) [The aesthetics of silence as an opportunity to discover a new name (using the example of cinema and photography)]. Nauchnaya sessiya GUAP 2010 g. [GUAI scientific session 2010], URL: http://hf-guap.ru/historical/shugajlo_2.html. (In Russian).
22. Yakobson R.O. Izbrannye raboty [Selected works], Moscow, Progress Press, 1985. 460 p. (In Russian).
23. Bruneau T. Communicative silences: forms and functions. Journal of Communication, 1973, vol. 23. Pp. 17-41. (In English).
24. Jaworski A. The power of silence: social and pragmatic perspectives, Newbury Park, SAGE, 1993. 208 p. (In English).
25. Kurzon D. The right of silence: a socio-pragmatic model of interpretation. Journal of Pragmatics, 1995, vol. 23. Pp. 55-69. (In English).
26. Saville-Troik M. The Ethnography of Communication: An Introduction, Cambridge, 1982. 325 p.
27. Tannen D. Perspectives on silence, Norwood, New Jersey, Ablex, 1985. 251 p. (In English).
28. Verscheren J. What People Say They Do with Words, Norwood, NJ: Ablex, 1985, 265 p. (In English).

Received 04.05.2023

Kopylova T.R., Doctor of Philology, Head of the Department of the Russian Language,
Theoretical and Applied Linguistics and Russian as a Foreign Language

E-mail: k_tatiana4@mail.ru

Kel'makov V.K., Doctor of Philology, Professor

E-mail: finnugor@mail.ru

Pushina N. I., Doctor of Philology, Professor

E-mail: pushinanatalia@yandex.ru

Udmurt State University

Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034